

ВРЕМЯ, СТИЛЬ, АКТЕР

(Окончание.

Начало на 1-й стр.).

потому, что с экрана говорил гражданин-современник, всем существом, без малейшего актерского нажима чувствующий и передающий обжигающую силу каждого слова...

А перед этим — одна из лучших фраз Урбанского. — Астахова: «...Того, что я испытал в жизни, хватило бы на сотню таких, как ты. И сейчас мне не сладко. Но если бы мне пришлось начать жизнь сначала, я бы ее прожил так же. Для тебя коммунизм красивое слово, а я им жил и живу».

Прошел весь текст. Но сцена не кончилась. В глазах, в лицах актеров было еще так много, что вздох и тот звучал бы репликой. Никак не скажешь об этой сцене, что она выполнена с детской наивностью, между тем секрет ее силы и обаяния кроется именно в искренности и ясности актерского хода...

Вот это умение актера слиться всем своим существом, всей своей страстью с временем, в которое он живет, со зрителем, для которого он творит, кажется, и можно бы назвать отличительной чертой актерских удач последнего времени.

Во всяком случае, не стремление «фигурять» техникой, не желание «удовить» режиссеру, зрителю, а человеческая, гражданская, творческая совесть художника — и только она! — может подказать те краски и приемы, которые способны выразить душу и чаяния современности.

За последнее время деятели и критики кино, да и сами зрители, много раз отмечали эту новую особенность исполнения. В одном случае ее причисляют к «интеллектуальному кино», в другом — говорят о «думающем» актере, но тут, разумеется, дело не в названии, а в самом факте: искусственные и неискусственные люди ясно ощущают оп-

ределенные изменения в нашем искусстве.

Эти признаки проявляются так широко и порой неожиданно, что это дает право считать их чем-то вроде направления, стиля.

В ЭТОМ направлении еще нет выработанных приемов, нет апробированных приспособлений. Но есть ясное стремление углубиться в сегодняшний день, подметить все его стороны, раскрыть их чутко, с возможной полнотой.

Пожалуй, самым точным примером, подтверждающим все сказанное выше, сегодня является деятельность московского театра-студии «Современник».

Давайте бесстрастно перечислим недостатки этого коллектива, указанные в ряде рецензий и обсуждений. Дилетантизм, как результат отсутствия опыта у большинства актеров. Недостаточная завершенность спектаклей к моменту выпуска. Рыхлость, сумбурность в деталях. Выбор далеко не совершенных пьес. Ошибки в музыкальном оформлении спектаклей. Просчеты с декоративным оформлением в результате привлечения молодых, увлекающихся экспериментами художников.

Прибавим к этому внутренние трудности театра. Категорически непригодная с точки зрения сегодняшнего уровня техники сцена, даже не имеющая достаточно места для быстрой смены декораций и выходов исполнителей. Кустарное освещение. Малочисленность труппы, отсутствие оркестра и т. д. и т. п.

Кажется, что же тогда осталось? И все же, есть еще одно маленькое но...

Но... ни одного свободного места в течение сезона! Полные залы без дешевого «репертуарного конька», без какой-нибудь кассовой «затычки», вроде пьесочки из красивой

жизни полусвета. Репертуар театра, составленный почти исключительно из пьес советских авторов, делает полные сборы не только в Москве, но и в гастрольных поездках!

Не стоит долго искать объяснения этому. «Секрет» прост. В любом, даже самом неудачном спектакле этого театра всегда присутствуют поиски гражданственности, «ответственность за сегодня». Из этой-то потребности, продиктованной жизнью и временем, и рождается все то, что в искусстве мы называем новым. Хотя сам процесс этот стар, как мир...

В пору новаторства Художественного театра его чеховские спектакли сливались со зрительным залом как нечто единокровное. Тогда говорили: «Пойдем пить чай к трем сестрам...».

Но и теперешние зрители ничуть не меньше, чем те, которые посещали Московский Художественный театр, хотят «ходить пить чай» к своим современникам. Хотят видеть на экране себя, находить в драматическом искусстве глубочайшие проблемы сегодняшнего дня.